О.Я. Баев

РЕПЛИКА. О ПРАВОВОЙ КОРРЕКТНОСТИ АРГУМЕНТОВ В НАУЧНЫХ ДИСКУССИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

В статье автором обращено внимание на недопустимость использования в научных дискуссиях аргументов и мнений, противоречащих достижениям современной уголовно-процессуальной науки и основополагающим принципам уголовного судопроизводства, получившим закрепление в Конституции РФ.

Ключевые слова: истина в уголовном судопроизводстве; следователь; научная дискуссия.

«Процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжебные дела основательным представлением, и из обстоятельства дел обретенные доказов, явные сочиняются, и потом от судей по изобретению оных причин решение чинится».

Линовский В.А.
Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России.
Одесса, 1849

Научная дискуссия об объективной истине в уголовном судопроизводстве в последнее время в высшей степени актуализировалась в связи с внесенным в Государственную Думу законопроектом о введении в уголовно-процессуальное законодательство соответствующего правового института[1]. Он стал предметом обсуждений на страницах научных изданий, в ходе множества научных конференций.

Совершенно естественно, что в ходе его обсуждения были высказаны не только различные, но зачастую и прямо противоположные суждения даже о самой правомерности постановки вопроса об объективной истине в уголовном судопроизводстве [6, с. 5–6].

К примеру, только лишь в одном номере научного издания «Библиотека криминалиста. Научный журнал» № 4 (5) за 2012 г. обсуждению этой проблемы было посвящено более 30 статей. При этом статья Ю.П. Боруленкова имеет название «Стремление к истине – высший закон правосудия» [5, с. 40–49]; статья Л.А. Воскобитовой – «Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине» [7, с. 56–64]; статья Р.В. Костенко – «Объективная истина – цель уголовно-процессуального познания» [9, с. 165–170]; В.А. Лазаревой – «Объективна ли «объективная истина»?» [10, с. 171–176].

Свое мнение по этой проблеме и мы ранее неоднократно обосновывали в ряде своих работ [3, с. 19–32 ; 4, с. 394–410].

[1] Далее – Законопроект. Последняя его редакция внесена в Государственную Думу 19.03.2015 депутатом А.А. Ремезковым.

Вновь обратиться к ней нас побудила статья А.М. Багмета, как мы понимаем, совершенно серьезно недавно сформулировавшего буквально следующее: «На сегодняшний день в уголовном процессе сложилась логичная, выработанная длительной практикой схема осуществления уголовного судопроизводства, когда есть сторона обвинения, сторона защиты и являющийся между ними независимым арбитром – суд. *Следователь, не поддерживающий ни одну из сторон, является в этой схеме установителем истины по уголовному делу»* (выделено авт. – *О.Б.*) [2, с. 6–7].

Позвольте, разве следователь «в сложившейся логичной … схеме осуществления судопроизводства» не отнесен законодателем однозначно к стороне обвинения? … Разве уголовно-процессуальный закон наделяет следователя предлагаемой данным автором загадочной для любой правовой уголовно-процессуальной системы и неизвестной науке уголовного процесса функцией «установителя истины»?

Не говоря о том, что «если, – как обоснованно замечает А.С. Александров, – мы признаем следователя субъектом, удостоверяющим объективную истину, причем в ходе досудебного производства, то делается ненужным ни адвокат, ни собственно суд» [1, с. 148]. Действительно, если следователь уже установил по делу объективную истину, то в чем тогда функция суда? Лишь и исключительно в назначении подсудимому наказания?

Понятно, что такой подход представляется нам прямым пренебрежением, минимум, требованиями Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 118 которой содержит базовую для уголовного судопроизводства норму об осуществлении правосудия только судом, а ч. 3 ст. 123 гласит, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, в числе которых не может быть третьей стороны – «установителей истины». Зачем в таком случае нужны известные институциональные механизмы обеспечения правосудия в Российской Федерации.

И, наконец, вывод следователя (прокурора) о доказанности совершения преступления конкретным лицом – это не объективная истина, обязанность установления которой пытаются возложить на органы уголовного преследования авторы Законопроекта; *этот вывод лишь версия* обвинения, которую должен проверить «на прочность» – поддержать или опровергнуть, суд в состязательном уголовном процессе. Она должна быть равновеликой для суда наравне с версией адвоката-защитника о том, что его подзащитный – вновь воспользуемся словами А.Ф. Кони – не виноват вовсе, либо виноват не так и не в том, в чем его обвиняют представители системы уголовного преследования.

И в этой же связи следует заметить, что обосновываемый А.М. Багметом статус следователя как некого уникального «установителя» истины, в сущности, опровергнут не так давно внесенными в ст. 90 УПК РФ изменениями.

В соответствии с ними приговоры, постановленные судом в соответствии со статьями 226.9, 316 или 317.7 УПК (а как известно, они постановляются на основе материалов предварительного расследования) лишены преюдиционной значимости, обстоятельства, ими установленные, не могут признаваться по другому делу судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Иными словами, речи об истинности проведенного следователем расследования, результатов такого – без исследования их материалов в условиях состязательного процесса в суде, идти в принципе не может. По сути, эти материалы свидетельствуют лишь об одном – о согласии с ними обвиняемого ввиду различных субъективных и/или объективных обстоятельств.

Мы уже не говорим об особенностях доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. В соответствии с ними «доказательства по уголовному

делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. При этом, дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств». Более того, «с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем» (ст. 226.5 УПК РФ).

Но А.М. Багмет, наделив следователя несвойственной для уголовно-процессуального законодательства и судопроизводства любой сколь-либо цивилизованной страны мира функцией «установителя» истины, на том в своих рассуждениях не останавливается.

Сокрушаясь об отсутствии благоприятных условий для следователя, «при которых он бы мог в кратчайшие сроки установить истину по уголовному делу, проводить расследование, *не обремененное тотальным контролем»* [2, с. 8] (здесь и далее выделено авт. – *О.Б.*), он полагает необходимым, в частности, следующее:

«…для оптимизации работы следственных подразделений, исключения волокиты, перенаправления уголовных дел от одного органа к другому назрела необходимость передачи права утверждения обвинительного заключения от прокурора руководителю следственного органа в соответствии с подследственностью и подсудностью. А именно – *руководитель следственного органа, согласившись с объемом собранных доказательств, утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.* Одновременно он направляет прокурору надзорное производство с копией обвинительного заключения и основных процессуальных документов по принятым решениям» [2, с. 7].

Иными словами, предлагается совершеннейшая бесконтрольность следственных органов с объективно присущим (и ставшим «притчей во языцах») обвинительным уклоном «установителям», по мнению этого автора, истины по уголовным делам!!!

И хотелось бы представить положение прокурора, который в этой ситуации – не видя раньше уголовного дела, не осуществляя надзора за его расследованием, не возбуждая по делу обвинения от имени государства (государственного обвинения), будет вынужден его – от имени государства! – поддерживать, участвуя в судебном разбирательстве этого дела…

А может быть – в логическое развитие концепции А.М. Багмета, – вообще какой-либо (судебный, прокурорский) «пригляд» за предварительным расследованием вообще не нужен (чтобы не обременять, по его выражению, следователя «тотальным контролем»), как и не нужно участие прокурора в суде?

Мы бы столь подробно не стали останавливаться на этих, по нашему убеждению, в высшей степени методологически ущербных и с правовой точки зрения крайне необоснованных утверждениях и предложениях, если бы их автор не являлся … руководителем Академии Следственного комитета РФ, а содержащая их статья не была бы опубликована в научно-практическом журнале, рассчитанном преимущественно на следователей…

«Внушение» следователям подобных противоречащих конституционным принципам правосудия идей крайне опасно, очевидно, чревато усилением (если это еще возможно) обвинительного уклона в их деятельности.

При этом возникает еще один вопрос, по существу которого С.И. Захарцев совершенно верно высказался следующим образом:

«Вопрос в том, насколько свободен ученый в широте толкования норм права? А точнее, может ли он, комментируя зако-

нодательство, предлагать нарушать закон или уклоняться от его выполнения? Конечно нет, ответят, наверное, все. Более того, сама постановка вопроса кажется удивительной и несуразной. Однако такая проблема есть. … И ладно, если бы речь шла об описках, неточных формулировках, наконец, ошибках. Но в данных случаях речь идет о предложениях принципиального игнорирования требований закона, умышленном введении читателей в заблуждение…

А кто читатели? Если учесть, что большинство примеров изложено в учебной литературе, то, не считая преподавателей, читателями в основном являются студенты юридических вузов – будущие юристы-практики, в том числе правоохранительных органов. А это не просто плохо, но и страшно! … Как с такой проблемой бороться мы, признаемся, не знаем. Одним из вариантов может быть […] публичное осуждение таких толкований…» [8, с. 345–346].

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. Вып. 3 (4). С. 142–157.
2. Багмет А.М. Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Российский следователь. 2005. № 11. С. 6–7.
3. Баев О.Я. Законопроект «об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 19–32.
4. Баев О.Я. Под флером объективной истины (о Законопроекте «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве») // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия «Право». 2012. Вып 2 (13). С. 394–410.
5. Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 40–49.
6. Волеводз А.Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 5–6.
7. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 56–64.
8. Захарцев С.И. Общие проблемы научных работ по юриспруденции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2 (13). С. 338–348.
9. Костенко Р.В. Объективная истина – цель уголовно-процессульного доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 165–170.
10. Лазарева В.А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 171–176.